

скому – поэту и человеку – меняется, и в 1879 году Тургенев написал Случевскому об отрицательном отношении к его творчеству.

Встреча в конце 1859 года, когда критик передал писателю стихотворения Случевского, была одной из последних личных встреч Тургенева и Григорьева. Осенью 1860 года Григорьев жил в Москве, в начале декабря вернулся в Петербург (где большую часть весны провел в долговом отделении) и 20 мая 1861 года уехал в Оренбург. Тургенев в апреле 1860 года отправился в Европу, вернулся в Россию в конце апреля 1861 года и в середине сентября вновь уехал в Европу. Все последующие визиты писателя в Петербург были непродолжительными. Больше Тургенев и Григорьев, несомненно, не встречались.

Список литературы

1. Григорьев Ап. Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах // Воспоминания / под ред. Р. В. Иванова-Разумника. – М.; Л., 1930.
2. Случевский К. К. Одна из встреч с Тургеневым (Воспоминание) // Денница. Альманах. 1900 года. – СПб., 1900.
3. Тургенев И.С. ПССиП (2). – М., 1988. – Письма. – Т. 5.

Гродецкая А.Г.

Бестиарный код нигилиста Марка Волохова в «Обрыве»

В статье исследуются мифопоэтические элементы, составляющие устойчивый анималистический код Марка Волохова в гончаровском «Обрыве»: система уподоблений и аллюзий, семантика антропонимов. Актуализирован вопрос о мотивах, на основании которых «Обрыв» рассматривался в жанровом русле антинигилистического романа.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, «Обрыв», нигилизм, антинигилистический роман, мифопоэтика, символика, аллегорика, анимализм, бестиарный код, антропонимика.

В третьем гончаровском романе в сравнении с двумя предшествующими масштабы и функции символики и аллегорики значительно возрастают, «Обрыв» буквально перегружен символично-метафорическими мотивами [см.: 17, с. 55–61; 6, с. 113–117, 156–161; 12, с. 153–166; 22, с. 6–15; и др.]. Центральный, инвариантный сюжет в мифопоэтической конструкции романа ориентирован на библейский миф о первородном грехе, об искушении и грехопадении [см.: 6, с. 115–116; 22, с. 13–17]. В сложном переплетении воспроизводящихся в тексте и прихотливо трансформирующихся мотивов реализованы основные элементы этого мифа: «райское» пространство усадьбы Малиновка и – мрак, «бездна» обрыва; яблоко как тот запретный плод, с которого начинается знакомство Веры и Марка; перипетии искушения и «падения»; угроза, катастрофа, реальность изгнания из

«рая»). Оформляющими мифопоэтическую символику образа Марка выступают новозаветные аллюзии: он носит имя евангелиста (см. ниже), он сравнивается, кроме того, с разбойником Варравой, в качестве евангельской аллюзии интерпретируется, как правило, его нелюбовь к «прямым» путям (ср.: «Кто не дверью входит во двор овчий, но прелазит инде, тот вор и разбойник. А входящий дверью есть пастырь овцам». – Ин. 10: 1–2; [см.: 13, с. 41]). Жителей города, как мы помним, Марк навещает «без церемонии», проникая в дом через забор и через окно.

На мифологическую и фольклорную традиции и на аллегорическую паремий и басен ориентирован подчеркнутый, акцентированный в Волохове анимализм, реализующийся в повторяющихся эпитетах и сравнениях [см.: 13, с. 37–38; 11, с. 283–287]. Устойчивы в тексте его сравнения со зверем, с собакой¹, и особенно последовательны – сравнения с волком², благодаря чему за персонажем закрепляются характеристики *чужого, опасного, хищного, агрессивного, разбойного*. В одно из первых свиданий Вера шуточно отмечает у Марка «волчьи манеры», «волчью ложь». «Прямой вы волк! <...> Всё отрицать, порицать, коситься на всех...» – говорит она ему (ч. 4, гл. 1). Герой уподобляется волку и еще несколько раз: «он – волк...», «...взглянуть один раз... на “волка”... проститься...» (ч. 4, гл. 8, 11). «Я не волчица, а женщина! – говорит Вера Марку в сцене последнего свидания (ч. 4, гл. 12). В этих же ситуациях Марк впрямую сравнивается со зверем: «Дальше, Вера, от меня!.. – сказал он, вырывая руку и тряся головой, как косматый зверь»; «Он шел к плетню, тоже не оборачиваясь, злобно, непокорным зверем, уходящим от добычи»; «он поднял ее на грудь себе и

---

¹ Н. В. Шелгунов, приведя в своей известной статье «Талантливая бесталанность» большую цитату из «Обрыва» с развернутым сравнением Марка с собакой, иронизировал: И вот что значит сила таланта: вполне от автора зависело обозвать Марка львом, тигром, крокодилом, змеей, свиньей, кошкой, смотря по тому, какое представление требовалось возбудить в уме читателя. Автор нашел, что лучше и пристойнее всего сравнить Марка с собакой, несмотря на то, что грива, большой лоб и смелые серые глаза давали ему некоторое и, как кажется, не малое право на сходство со львом. Если бы автор задался мыслью похвалить Марка и выставить его образцом житейских добродетелей, то, конечно, он сравнил бы его со львом; но как имелось в виду выругать, то и большая ответственность была найдена в сравнении с собакой» [26, с. 247–248].

² В. А. Недзвецкий полагает, что уподобление Марка волку восходит к роману «Мопра» Ж. Санд; ремеслом одного из персонажей романа, Бернара де Мопра, до его встречи с главной героиней «был и впрямь разбой, хотя и невольный, а руководившие его поведением инстинкты сам герой называет волчьими». Исследователь обнаружил также сюжетную связь с сандовским романом линии Марк Волохов — Вера: «Событийной основой романа Жорж Санд стала, по словам самого героя произведения, “история моего нравственного и идейного преобразования”. Это было превращение “дикаря” и разбойника в “существо общественное”, т. е. в гражданина и христианина. Точно так же гончаровская Вера будет пытаться вернуть к людям, в лоно общества отпавшего от них циника и “волка” Марка Волохова. И для нее эта задача равнозначна обращению от природы сильного, но заблудшего человека, как заблудшей овцы к пастырю, к “вечной правде” Христа и христианскому служению людям и самому себе» [15, с. 210, 211].

опять, как зверь, помчался в беседку, унося добычу...» (ч. 4, гл. 12). «Волчий» символический ряд продолжен в пятой части: «Он свирепел, скалил зубы, как “волк”»; «Про великодушие нечего ему говорить: волки не знают его!..» (ч. 5, гл. 6, 12), – и наконец завершается приговором, вынесенным Марком самому себе: «“Волком” звала она тебя в глаза, “шутя” <...> теперь, не шутя, заочно к хищничеству волка – в памяти у ней останется ловкость лисы, злость на всё лающей собаки и не останется никакого следа – о человеке!» (ч. 5, гл. 17) [8, VII, с. 523, 577, 603, 606, 611, 616, 618, 661, 704, 730].

Волк в славянском бестиарии – один из наиболее мифологизированных персонажей с широким кругом символических функций и значений [см.: 9, с. 122–159]. Волк служил обозначением разбойников, еретиков, лжепророков, «злых учителей» [2, с. 74], и уподобление Волохова волку в этом символическом значении вписано в русло традиционных представлений. Приписываемая волку хтоническая символика также соответствовала тому, что автор «Обрыва» определял в «новом учении», проповедником которого выступает его «юный апостол» Марк, как «смерть и тлен»: «Новое учение не давало ничего, кроме того, что было до него <...> и впереди обещало – смерть и тлен» [8, VII, с. 660]. В зверином, животном, волчьемшла символическое выражение жизненная «философия» персонажа – вариант упрощенного, вульгарного материализма и социал-дарвинизма. Сравни в тексте «Обрыва» сказанное о Волохове: «Он, во имя истины, развенчал человека в один животный организм, отнявши у него другую, неживотную сторону» [8, VII, с. 559].

За волком традиционно закреплена и брачная символика, соотносимая как со значением «чужого», так и с «мужской» (жизненная сила) образностью. «Волк, нападающий на скотину, загрызающий добычу, нередко наделяется эротической символикой...» [4, с. 127]. В Волохове-волке реализуется и эта мифопоэтическая функция¹.

Знаковую функцию обретает в романе и фамилия персонажа-нигилиста. Ее принадлежность, как отметила Л.С. Гейро, в рукописи романа определилась не сразу. На ранних этапах работы над текстом фамилия приписывалась другу Райского Леонтию, внешность которого фамилии соответствовала: «Всегда, бывало, он нечесан, не всегда умыт, с растрепанными волосами, с расстегнутыми пуговицами». «Волохатый», согласно словарю Даля, – «косматый, мохнатый, кудлатый, всклокоченный» [см.: 6, с. 53]. Перейдя от Леонтия (ставшего в окончательном тексте Козловым) к Марку, фамилия Волохов, фонетически созвучная «волку», усилила и мар-

---

¹ Поэзия и проза XX века, кроме того, актуализировали в образе волка наряду с семантикой хищника, преследователя – свойства преследуемого, гонимого, жертвы, изгоя (см.: 14, I, с. 242; 23, с. 77–82).

кировала «волчью» природу персонажа¹. Кроме того, в антропониме, близком глаголу «волочь», закодирован мотив физического, с обертонами животного (звериного), насилия и суггестивно, в свернутом виде, задано центральное фабульное действие – движение в «потустороннее» пространство «обрыва». На прямолинейность гончаровской образности не могла не отреагировать критика. Шелгунов, например, иронизировал: «По плану романиста, Марк должен был производить на читателя омерзительное впечатление, подобное волку, похищающему ягненка. <...> Как волк тащит в лес ягненка, чтобы сожрать его, так утащил Марк Веру в беседку» [26, с. 260–261].

Устойчивые и достаточно прямолинейные, если не сказать – тенденциозные бестиарные уподобления героя-нигилиста дают основания вернуться к остро звучавшей со времени первых критических отзывов об «Обрыве» проблеме принадлежности романа к антинигилистическому направлению. «...Анималистические параллели, – отмечала Н.Н. Старыгина, – уместны в антинигилистическом романе, в содержании которого стержневым является философский спор о природе человека: человек – животное или человек – храм Божий» [20, с. 209; ср.: 21, с. 142–158].

Оппозиции добра/зла, старого/нового, стабильного/деструктивного, смыслообразующие в антинигилистическом романе 1860–1870-х годов, осмыслялись и обозначались, как правило, через традиционную демонологическую символику. Классическим примером служат «Бесы» Достоевского, не менее символичны «неведомые силы незримого мира», каковыми предстают герои романа «На ножах» у Н.С. Лескова. «Бесовская тема и знаки нечистой силы, – комментирует этот аспект Н.Н. Старыгина, – органично входили в содержание и поэтику антинигилистических романов и были соотнесены с образами нигилистов. В их создании откровенно или опосредованно используется весь ассоциативно-синонимический ряд “нечистой силы”, порождающий определенные смысловые толкования и вызывающий соответствующие догадки у читателя» [20, с. 205].

«Демонические знаки» в Волохове достаточно определены. В славянской демонологии «зверь» – один из устойчивых синонимов дьявола. Традиционно связан с нечистой силой и волк [см.: 3, с. 323–331; 14, I, с. 242; 9, с. 122–124], который также соотносился с вампиром, волкодлаком (вурдалаком) – человеком-оборотнем, обладающим сверхъестествен-

¹ Иная этимология была предложена В. И. Мельником: «Возможно, евангельский прототип Волохова – это волхв, который в “Деяниях святых Апостолов” зовется “лже-пророком” (гл. 13). Волхв Елима старался “отвратить... от веры”. Апостол Павел обращается к нему: “О, исполненный всякого коварства и всякого злодейства, сын диавола, приг-всякой правды! перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних? (гл. 13, ст. 10). Как совратитель с прямых путей изображается и Волохов. “Не любит прямой дорогой!” – говорит о нем Райский» [13, с. 41]. Как считает Е.В. Уба, «фамилия героя Волохов восходит, возможно, не только к слову “волк”, но и к имени бога Велеса» [24, с. 205].

ной способностью превращаться в волка или ставшего волком в результате враждебных колдовских чар [14, I, с. 242–243; 18, с. 114; 5, с. 106–110].

«Демонизм» гончаровского персонажа не обошли вниманием уже первые критики «Обрыва». Салтыков-Щедрин, например, в своей известной статье «Уличная философия» заметил о Марке: «...автору непременно хочется сделать из него демоническую силу...» [19, IX, с. 94]. Обозначение лжепророческой, губительной сути доктрины и практики нигилизма через «дьявольскую» и «звериную» символику, несомненно, сближает роман Гончарова с антинигилистической беллетристикой 60–70-х годов¹. Вместе с тем человеческая подлинность Волохова очевидно перерастает ограниченность «типа» нигилиста, сформировавшегося в беллетристике этих лет.

Вопрос о присутствии в «Обрыве» антинигилистической тенденции в разные годы решался по-разному. В последние десятилетия не только «Обрыв», но и антинигилистический роман как таковой, что справедливо отметила Е. А. Краснощекова, прочитываются по-иному: «Пафос, объединивший на недолгом временном промежутке Тургенева и Гончарова, Толстого и Достоевского, находившихся подчас в непростых личных отношениях и полемизировавших по многим вопросам, видится не чем иным, как чуткой реакцией на явление, действительно опасное для исторических судеб России. <...> Антинигилистический роман XIX века в своих прозрениях выглядит сегодня предшественником антиутопического (антигиталитарного) романа XX века, который продемонстрировал долговременные итоги нигилизма века предшествующего» [10, с. 67].

Символически значимо в романе и имя персонажа. «Можно предположить, – пишет Л.С. Гейро, – что конкретного евангелиста Гончаров выбрал как далекий прообраз своего героя вполне осознанно. Комментаторы Евангелия от Марка указывают, что оно было предназначено для христиан из язычников, т. е. для новообращенных. Деталь для понимания гончаровского героя немаловажная» [6, с. 115]. Однако евангельские аллюзии в данном случае не единственные. «...У восточных и западных славян имя Марк фигурирует в целом ряде паремий, поверий и примет, связанных с темой ада и агрессивного, беспокойного поведения; ср. рус. “*Мыкаться, как Марк по пеклу*”...» [1, с. 322; ср.: 16, с. 30]. Кроме того, в календарно-ритуальной мифологии апостол Марк (день его почитания 25 апреля) традиционно связан с водой (дождем) и, соответственно, с водяным [1, с. 322–323]. И в этом случае Марк – как, условно говоря, «водяной», связанный с рекой как символической границей², выступает мифопоэтической парой Вере-«русалке» [см.: 25, с. 105–113; ср.: 4, с. 141–229 (гл. 5: Русалки)]. «Русалочье», призрачное, тайное, влекущее, опасное, миражно-ночное –

¹ Кличка одного из террористов в романе Б. Маркевича «Бездна» – «Волк», в нем автор изобразил А.И. Желябова. Характерно, что «волчья» символика присутствует и в «Подпольной России» С.М. Степняка-Кравчинского.

² Волк символически связан «с пересечением границы и различными пограничными и переломными моментами и периодами» [9, с. 158].

устойчивые мотивы, сопутствующие в «Обрыве» Вере¹. В них находит выражение как вечная тема женского соблазна, так и комплекс представлений, характерных для традиционного мировосприятия: «Демоническое начало приписывается любой женщине, которая просто нарушает принятые нормы поведения или запреты, “выбивается из стада”» [1, с. 389]. Парность, рифмованность заложена в мифопоэтических доминантах двух образов – Марка и Веры (как парность Ольги Ильинской и Ильи Обломова была задана художественной антропонимикой романа), и конфликт выстраивается как невозможность реализации, как крах этой заданности – определенно искусительной, антихристианской. Водная символика включает и мысль о стихийности чувства, о разрушительности любви-страсти – в противоположность любви-гармонии, любви-«норме», искомой в романной трилогии Гончарова и, согласно его художественному мирозерцанию, достижимой, обретаемой как Ольгой в финале «Обломова», так и Верой в финале «Обрыва».

Гончаров до известной степени признавал неорганичность созданного им образа нигилиста-шестидесятника в романе, действие которого развертывается в дореформенных реалиях, при крепостном праве. Он писал, например, Ек. П. Майковой: «Судя меня строго, не выпускайте из вида одно обстоятельство, что моя главная и почти единственная цель в романе – есть рисовка жизни, простой, вседневной, как она есть или была, и Марк попал туда случайно» [7, VIII, с. 353].

Список литературы

1. Агалкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: осенне-летний цикл. – М.: Индрик, 2002.
2. Белова О.В. Славянский бестиарий: Словарь названий и символики. – М.: Индрик, 2001.
3. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха. – СПб., 1883. – Вып. 4. – С. 323–331.
4. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000.
5. Власова М.Н. Энциклопедия русских суеверий. – СПб.: Азбука-классика, 2008.
6. Гейро Л.С. «Сообразно времени и обстоятельствам...»: (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие. – Т. 102: И. А. Гончаров: Новые материалы и исследования. – С. 83–183.
7. Гончаров И.А. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1977–1980.
8. Гончаров И.А. Полн. собр. соч.: в 20 т. – СПб.: Наука. – 1997– (изд. продолжается).
9. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997.
10. Краснощекова Е.А. «Обрыв» И. А. Гончарова в контексте антинигилистического романа 60-х годов // Русская литература. – 2001. – № 1. – С. 66–79.

¹ Ср.: «В романе Вера окружена тайной. Загадочен источник ее обаяния. Строгая гамма красок, характерная для облика Веры, наводит на мысль о чем-то таинственном, непонятном, может быть, даже чуть жутковатом» [6, с. 154].

11. Кочеткова В.П. Роль зооморфной детали в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Культура. Образование. Духовность. – Бийск, 1999. – Ч. 1. – С. 283–287.
12. Лебедев Ю.В. Христианская символика в романе И. А. Гончарова «Обрыв» // Историко-литературный сборник. К 60-летию Л. Г. Фризмана. – Харьков, 1995. – С. 153–166.
13. Мельник В.И. И.А. Гончаров в полемике с этикой позитивизма: (К постановке вопроса) // Русская литература. – 1990. – № 1. – С. 34–45.
14. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. – М.: Сов. Энциклопедия, 1991.
15. Недзвецкий В.А. И.А. Гончаров и Жорж Санд: («Обрыв» и «Мопра») // И. А. Гончаров. Материалы Междунар. конф., посвящ. 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. – Ульяновск, 1998. – С. 206–217.
16. Православие и русская народная культура. – М., 1993. – Кн. 1.
17. Райнов Т. «Обрыв» Гончарова как художественное целое // Вопросы теории и психологии творчества. – Харьков, 1916. – Т. 7. – С. 32–75.
18. Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. – СПб., 1995.
19. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – М., Художественная литература, 1966–1977.
20. Старьгина Н.Н. Демонические знаки в антинигилистическом романе как выражение авторской ценностно-мировоззренческой позиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. – Петрозаводск, 1998. – Вып. 2. – С. 204–221.
21. Старьгина Н.Н. Русский роман в ситуации философско-религиозной полемики 1860–1870-х годов. – М.: НЛО, 2003.
22. Тарковская Н.А. Диалог античных и христианских мотивов в романе И.А. Гончарова «Обрыв»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2006.
23. Тропкина Н.Е. Образ волка в русской поэзии XX века // Филол. записки. – Воронеж, 2006. – Вып. 24. – С. 77–82.
24. Уба Е.В. Имя героя как часть художественного целого: (по романной трилогии И. А. Гончарова) // И.А. Гончаров. Материалы Междунар. науч. конф. – Ульяновск, 2003. – С. 195–207.
25. Фаустов А. Об одном неявном способе авторского подключения к традиции: «Русалочий» миф в «Обрыве» Гончарова // Проблема автора в художественной литературе. – Ижевск, 1993. – С. 105–113.
26. Шелгунов Н.В. Литературная критика. – Л.: Художественная литература, 1974.

Ничипоров И.Б.

**«Лучезарный поэт нашей совести»: Ф.М. Достоевский
в литературно-критических статьях Иннокентия Анненского**

В статье рассмотрены и систематизированы идеи И. Анненского-критика о личности и творчестве Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: литературная критика Серебряного века, концепция личности, психология творчества.

Художественная словесность, культура, философская мысль Серебряного века пребывали в многоплановом диалоге с наследием Достоевского, который был сопряжен с тем, как сознанием порубежной эпохи актуализировались эстетические, социоисторические, антропологические, религиоз-

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ-2015

**Художественные стратегии классической
и новой литературы: жанр, автор, текст**

Материалы XX международной научной конференции

Под общей редакцией профессора В. Н. Скворцова

Санкт-Петербург
2015